

РОССИЯ КАК РЕАЛЬНОСТЬ

Несвоевременные мысли о России

С.Н. СМИРНОВ

Социальные проблемы современной России не способствуют отказу от идеологии прошлого. Поиски национальной идеи, создания гражданского общества бесперспективны, пока основная часть населения имеет относительно невысокие доходы. Лишь в последнее время власть начинает осознавать, что только экономически самостоятельные и независимые от власти граждане смогут сформировать общество будущего — практичное, функциональное и правовое. Все остальные идеи в этой области должны рассматриваться как неизбежная плата за прощение со старыми догмами. В этой статье автор — известный российский экономист, специалист в области региональной экономики, социальной политики — предпринимает попытку в достаточно конспективной форме ответить на вечные для России вопросы — что с нами происходит, что нас ждет и, наконец, что же делать?

Современная Россия: основания для пессимизма

Начну с основного и глобального. Пусть читатель упрекнет меня в банальности, но повторю все же несколько достаточно известных мыслей. Либерализм в экономике и идеологии без адекватного уровня доходов населения обречен. Либерализм в экономике и идеологии без контроля за мерой труда и мерой потребления, во всяком случае на начальной стадии экономических реформ, обречен. Либерализм в экономике и идеологии без развитой системы социальной защиты и поддержки уровня доходов тех граждан, которые по тем или иным причинам (демографическим, профессиональным, статусным) не имеют возможности обеспечить себе и членам своей семьи приемлемый уровень жизни, обречен. В этих условиях содержательно термин «либерализм» приближается к ругательству, и, может быть, в словарях русского языка наши далекие потомки будут трактовать его именно в этом смысле, наряду с такими терминами, как «идиотизм» и «кретинизм». Замечу, что слово, однокоренное с либерализмом, присутствовало в российской политической жизни на рубеже веков в названии партии, весьма далекой от либерализма — ЛДПР. В то же время реальные сторонники либеральных идей — демократы — предпочитали не «связываться» с либерализмом (названия фондов, подобных «либеральной миссии», конечно же, не в счет).

Блистательные идеи высоколобых интеллектуалов-либералов, как бы мы ни любили умницу-Гайдара, не найдут адекватной реакции в обществе. Умница-

Несвоевременные мысли о России

Чубайс из СПС, на голову превосходящий по своему интеллектуальному потенциалу г. Рогозина¹ из «Родины», останется коверным в условиях, когда доходы значительной части населения страны не превышают величины прожиточного минимума. Можно сколь угодно долго восхищаться, подобно известному российскому журналисту Л. Радзиховскому, тому обстоятельству, что миллионам людей экономические реформы немало поспособствовали, но когда десятки миллионов ждут, когда же это, наконец, произойдет, подобные выкладки становятся малоинтересными. Они успокаивают лишь адаптировавшихся и раздражают всех остальных.

Такое впечатление, что власть игнорирует эти сюжеты. Казалось бы, опыт с покойным ныне А. Лебедем в 1996 г. мог бы чему-то научить. Но появился С. Глазьев и, боюсь, что в 2008 г. проблему последнего или того, кто неизбежно придет ему на смену, придется решать. Впрочем, как показывает опыт, современные политические технологии в России позволяют создать нового президента приблизительно за квартал. Дальше — традиционная модель высказываний относительно ошибок предыдущего периода, начиная с немедленного «пьяно» и кончая отложенным «крещендо» и заботой о народе на очередные восемь лет.

Инстинкт самосохранения власти заставляет ее проводить публично-успокаивающие акции. Речь идет о силовых решениях проблем, причем у этих решений отсутствует какая бы то ни было систематичность, а идеология весьма проста: «Ну, не нравится он (они) мне!». Вместо подробного разбора экономических полетов начала — конца 1990-х годов в начале XXI в. шла обычная политическая грызня, не добавляющая авторитета стране.

А мы (экспертное сообщество) полагали, что российская власть — мудрее и самокритичнее. Мы думали, что она возьмет на себя вину за современное состояние российского общества, в котором практически каждый совершеннолетний гражданин в уже упомянутые 1990-е годы совершал уголовно или административно наказуемые деяния. Соккрытие доходов, обналичивание, дача и получение взяток — пожалуй, самые распространенные из них. Вместо этого власть озвучивает конкретные фамилии (взять тех же так называемых «оборотней в погонах», или, по образному выражению автора статьи, «генерал и полковничье дело»), закрывая глаза на то, что именно благодаря ей была создана такая экономическая и социальная среда, в которой подобного рода явления становятся не исключениями, а правилами повседневной жизни. И в этих условиях верить в то, что арест двух-трех десятков милицейских начальников или двух-трех экс-олигархов что-то кардинально изменит, было бы верхом наивности. Хотя, наверное, и способно благотворно повлиять (конечно, морально, а не материально) на ту часть общества, представители которой с трудом сводят концы с концами. Но это уже из области совершенно другой эпохи, известной под названием «советская». На самом деле занятому, заработная плата которого находится на уровне прожиточного минимума или даже средней заработной платы в стра-

¹ Для потомка — читателя этой статьи, возможно, уже сейчас следовало бы давать краткие биографические справки об упомянутых здесь персоналиях: кто-нибудь сейчас помнит реформаторов России девятнадцатого века — М. Сперанского, министров Александра II? Забудут в истории страны и о наших великих современниках — Д. Лихачеве, С. Аверинцеве, Т. Шаове.

не, достаточно сложно принять как должное доходы олигархов или тех же чиновников. Не сочувствие, а только раздражение может вызвать информация, что у министра по науке и промышленности правительства Москвы и у министра финансов Московской области угнали джипы «Мерседес-Гелендваген», а у жены бывшего министра внутренних дел России — БМВ-745 [Известия 2004, с. 7].

Стоит заметить, что даже годовой давности «Мерседес-Гелендваген» стоит в России около 85 тыс. долл. [За рулем 2003, с. 231]. Это означает, что при среднемесячной заработной плате в стране в настоящее время около 180 долл. для приобретения автомобиля подобного класса от среднестатистического работника потребуется непрерывная работа в течение около 40 лет. Конечно, есть отечественные автомобили, для приобретения которых нужно работать 2,5 — 3 года. Но суть в ином — в России, как это видно из приведенного случая, сформировалась двухуровневая экономика с двухуровневыми доходами, а следовательно, и двухуровневой системой ценностей и моралью. В этой экономике назначение на должность в системе государственного управления означает, наряду с получением относительно небольшого должностного оклада, доступ к возможностям увеличения доходов за выполнение тех или иных функций. Этот феномен укоренился и в общественном сознании: нелюбовь к чиновничеству в крови у россиян еще с советских времен. Впрочем, что там говорить — нанятые налогоплательщиками чиновники, начиная от средней руки и выше, жили лучше своих нанимателей и во времена А. Сухова-Кобылина.

Немного статистики

Прежде, чем следовать по маршруту статьи далее, замечу, что автор никогда не относил себя к социальным пессимистам. Его жизненная позиция связана скорее с протестантской этикой — в конечном счете, талант и трудоспособность в сочетании с активным экономическим поведением оказываются востребованными в любом обществе и находят адекватные им доходы. Душа же спасается, как известно, трудом. С этой точки зрения благоприятная динамика экономических и социальных показателей, которая характерна в последние годы для России, конечно, не может не радовать. С другой стороны, нельзя забывать о том, что показатели, которые характеризуют уровень жизни абсолютного большинства населения страны, стали расти с достаточно низкого базового уровня (табл. 1).

Действительно, аналитические заключения из приведенных данных могут быть сделаны самые разные. «Оптимисты-обманщики», бесспорно, обратят внимание на положительную динамику денежных доходов населения, сокращение численности населения с доходами ниже прожиточного минимума, увеличение численности занятых (и соответственно — сокращение общей численности безработных), повышение производительности труда. «Пессимистам-нытикам» гораздо ближе показатели, которые характеризуют их правоту — например, низкие темпы снижения абсолютного числа бедных в стране, рост количества безработных, которые официально зарегистрированы в качестве таковых в органах

Несвоевременные мысли о РоссииТаблица 1 **Динамика некоторых социальных показателей в Российской Федерации в начале XXI в. как источник для оптимизма (пессимизма)***

	2001	2002	2003	2003 к 2000
1	2	3	4	5
Величина прожиточного минимума:				
руб./мес.	1500	1808	2112	
% к предыдущему году	1,24	1,21	1,17	1,75
Душевые доходы населения:				
руб./мес.	3075	3964	5129	
% к предыдущему году	1,34	1,29	1,29	2,24
Отношение душевых доходов населения к величине прожиточного минимума	2,05	2,19	2,43	
% к предыдущему году	1,08	1,07	1,11	1,29
Численность населения с доходами ниже прожиточного минимума:				
млн человек	39,4	35,8	29,0	
% к предыдущему году	0,94	0,91	0,81	0,74
Численность занятых:				
млн человек	64,7	65,4	65,7	
% к предыдущему году	1,01	1,01	1,00	1,02
Общее количество безработных:				
тыс. человек	6303	6153	6000	
% к предыдущему году	0,90	0,98	0,98	0,86
Из общего количества безработных число безработных, зарегистрированных государственной службой занятости:				
тыс. человек	1123	1500	1570	
% к предыдущему году	1,08	1,34	1,05	1,51
ВВП:				
млрд руб.	9039,4	10863,4	13304,7	
% к предыдущему году	1,24	1,20	1,22	1,82
Производительность труда по ВВП:				
тыс. руб./человек	139,7	166,1	202,5	
% к предыдущему году	1,23	1,19	1,22	1,78

*На выбор читателя. В таблице приведены официальные данные, заимствованные и рассчитанные по сборникам бывшего Госкомстата России [Социальное положение и уровень жизни населения России 2003), Социально-экономическое положение России в 2003 г. 2004].

государственной службы занятости. И те, и другие будут правы, однако споры между упомянутыми категориями экспертов заслоняют от нас суть проблемы, связанной с определением путей дальнейшего развития России — тех путей, которые могли бы быть приемлемы для абсолютного большинства жителей страны.

В принципе, подобные споры вообще не так важны — важно то, какие выводы для политики (так называемые «policy implications») могут быть сделаны на основании экспертных заключений. А тут уже фактор субъективизма при принятии политических и экономических решений чреват различными осложнениями: начиная с излишних бюджетных расходов (что само по себе, конечно, не станет трагедией) и кончая сворачиванием страны с пути демократического развития (что может стать безусловной трагедией не только для России, но и для цивилизованного мира в целом).

Вопросы, на которые можно ответить.

Пример бедности

Автор никогда не идеализировал социально-экономическую ситуацию, которая сложилась в России на рубеже столетий. Но на злобную критику, которая порой высказывается в адрес либералов, у него всегда есть ответ — а вы сами выводили страну из экономического коллапса 1991 г.? Или общество уже забыло, что было в 1991 г. — ведь крах потребительского рынка не оставлял решительно никаких альтернатив. И логика реформы, несмотря на высокоумные экономические термины (например, вспомним Гайдара, рассуждавшего с экранов ТВ о кривой Филипса), была проста — сделав недоступными по ценам большинство товаров и услуг большинству населения, развить экономическую активность последнего, сломать модель государственного патернализма.

Да ведь и у власти либералы по сути дела не были. Поняв, что власть — это деньги, они предпочли встать у рулей денежных потоков, а не у руля государственного управления. И вообще, когда большинство граждан говорят о так называемых либеральных реформах, то прежде всего имеют в виду потерянные сбережения населения. И лишь ничтожно малое их число помнит о том вполне ликвидном активе, который появился у большинства домохозяйств. Речь идет о квартирах, бесплатно переданных им в собственность. Поверхностное, грубое заключение, но и неопровергаемое. Однако и суть не в этом, поскольку на значительное число вопросов, или, если угодно, вызовов для страны ни общество, ни власть, назначенная его выборными представителями, пока еще не нашли приемлемых ответов. А если таковых в разумном поле нет, то всегда есть искушение ответить на вопрос силовыми методами.

Возьмем, например, вопрос о *бедности*, набивавший оскомину с самого первого года экономических реформ. Нельзя же на самом деле признать нормальной ситуацию, когда десятки миллионов граждан России имеют доходы ниже прожиточного минимума при том, что по числу жителей — мы далеко не Китай. А опасность состоит в том, что число бедных россиян кардинально не снижалось за все годы реформ. Понятно, если бы, например, их сейчас (на начало 2004 г.) было бы не 29 млн, а, допустим, 10. Но и при благоприятной экономической

Несвоевременные мысли о России

конъюнктуре этот показатель принципиально не снизился. Ну, а если экономика не в состоянии решить проблему бедности, то можно попытаться снизить ее уровень в стране принципиально иными, т. е. административными способами. Таковых имеется в избытке.

Во-первых, можно пересчитать величину прожиточного минимума населения, изъяв из состава корзины те или иные товары и услуги «вторичной» необходимости. Здесь важно знать только коэффициент эластичности — скажем, уменьшение величины прожиточного минимума на 10 % приводит к уменьшению числа граждан с доходами ниже величины последнего на 20 %. Результат обеспечивается обычными статистическими расчетами без каких бы то ни было управленческих решений.

Второй вариант является более сложным. Он подразумевает бюджетные выплаты тем гражданам, доходы которых не достигают прожиточного минимума. Напомню, что в стране действует принятый еще в 1999 г. Федеральный закон «О государственной социальной помощи», в соответствии с которым данная категория граждан имеет право на ее получение. Но ресурсы ее не безграничны и не в состоянии покрыть дефицит доходов населения, необходимый для того, чтобы все жители страны имели доходы не ниже прожиточного минимума.

Так, в 2002 г. данные обследований домашних хозяйств, которые проводятся Госкомстатом России, показали, что дефицит располагаемых ресурсов в расчете на члена малоимущего домохозяйства составил 658,3 руб. в месяц. Зная годовую величину дефицита ресурсов и умножив ее на число малоимущих граждан, получим общий дефицит таких ресурсов:

$$658,3 \text{ руб./мес.} * 12 \text{ мес.} * 35,8 \text{ млн человек} = 282,8 \text{ млрд руб.}$$

Рассчитанная таким образом величина составила 4,1 % общей величины денежных доходов населения, или 8,3 % расходов консолидированного бюджета Российской Федерации в 2002 г. И в общем-то эти результаты показывают, что проблему бедности в стране в принципе можно решить путем относительно малозначимого реструктурирования расходов государственного бюджета, сократив их пропорционально (или непропорционально в соответствии с социально-экономическими приоритетами государства) на суммарную величину, достаточную для выплат пособий по нуждаемости бедным домохозяйствам. Иными словами — для решения проблемы бедности так называемым социально-иждивенческим путем требуются не столь большие финансовые ресурсы.

Но если это действительно так, то вполне уместно задаться вопросом: а почему, собственно, и не попытаться преодолеть бедность подобным путем? Оставив, естественно, за рамками подобного решения принципиальные, но совершенно из другой области вопросы создания дополнительных рабочих мест, профессиональной подготовки безработных и др. Наверное, потому, что мы, россияне, привыкли жить мономерными представлениями о социуме и его экономике. Универсалов, подобных Вернадскому-отцу, в России можно пересчитать по пальцам: ушли академики Д. Лихачев, С. Аверинцев — нет им замены. Вот и экономисты радуются снижению налоговой нагрузки на работодателей, введению единой ставки подоходного налога на физических лиц.

Последнее решение вроде бы работает на вывод зарплат из тени, что подтверждается и статистически. Если в 2002 г. доля подоходного налога в структуре доходов консолидированного бюджета составила 8,3 %, то в 2002 г. — 10,2 %. Но

при этом распределение населения по уровню душевых доходов далеко от идеального: достаточно сказать, что в том же 2002 г. на 2 верхние квинтильные группы населения (т. е. на 40 % общей численности последнего) пришлось больше 2/3 (а именно 68,6 %) общей величины денежных доходов. Индексы локализации денежных доходов в разрезе квинтильных (20-процентных) групп населения при расчете их на основе данных Госкомстата России составили: для 1-й (наименее доходной) группы — 0,28, 2-й — 0,52, 3-й — 0,77, 4-й — 1,14 и 5-й (наиболее доходной) — 2,29.

Зная общую величину денежных доходов населения России и их распределение по упомянутым квинтилям, можно определить, насколько разумным (не столько с экономической, сколько с социальной точки зрения) был отказ от использования прогрессивной шкалы налогообложения доходов граждан. Предлагаемый нами элементарный расчет основан на отнесении величины средств, необходимых для компенсации доходов бедных домохозяйств, к величине денежных доходов наиболее высокодоходной группы населения.

Первая из этих двух величин нами уже была рассчитана (282,8 млрд руб. в 2000 г.); вторая также определяется умножением общей величины денежных доходов населения на долю в них верхней, 5-й, квинтильной группы:

6790,7 млрд руб. * 0,458 = 3110,1 млрд руб.

Отсюда:

282,8 млрд руб.: 3110,1 млрд руб. = 0,91.

Иными словами, для наиболее высокодоходной квинтильной группы населения средняя налоговая ставка должна была бы в условиях 2002 г. составить не фактически действовавшие 13 %, а немногим более 22 %. Величина — отнюдь не запредельная, учитывая, что в период действия прогрессивной шкалы подоходного налогообложения она достигала и 45 % (См., например: [Смирнов 2003]).

Кроме того, во-первых, не обязательно решать проблему бедности одновременно и, во-вторых, часть дополнительной налоговой нагрузки можно возложить на следующую, 4-ю, квинтильную группу населения (идентифицируем ее условно со средним классом).

Возможно, предлагаемое решение слишком простое: оно на самом деле лежит на поверхности. Кроме того, против него свидетельствует постепенный выход из тени доходов населения при низкой ставке подоходного налогообложения. Но опять же — решения могут быть ступенчатыми и относительно мало заметными для высокодоходных групп населения.

Но еще более важный вопрос лежит в сфере идеологии. Уменьшение масштабов бедности именно подобным способом — на самом деле реальное признание государством своих ошибок, которые были допущены в период проведения экономических реформ в 1990-е годы. Это — неизбежная расплата за то, что государство в свое время сознательно пошло на быстрое социальное расслоение общества, за отсутствие равных условий для граждан, интегрировавшихся в рыночные отношения, за серьезные просчеты в социальной политике². И это

² Рекомендую читателям, в поисках исторических параллелей, вспомнить о желании Ю.Л. Пятакова (бывший заместитель наркома тяжелой промышленности СССР) выступить обвинителем на процессе троцкистско-зиновьевского блока (Москва, август 1936 г.) и лично расстрелять всех приговоренных (в т. ч. свою бывшую жену) (См.: [Ильинский 2002, с. 252]).

Несвоевременные мысли о России

обстоятельство действительно необходимо признать, а финансовые расходы, которые необходимы для смягчения его последствий, должны быть отнесены на расходы государственного бюджета. Автор просит понять его правильно — он отнюдь не против расслоения россиян по уровню доходов: талант и труд должны оцениваться значительно дороже бездарности и безделья. Но он против того расслоения, которое обусловлено только неравными условиями доступа к экономическим ресурсам.

Опасность бедности: политика как заложник

Нельзя сказать, что государство не уделяло внимания проблеме преодоления бедности. Из личного опыта автору вспоминается его участие еще в 1994 г. в составе группы коллег (Е. Гонтмахер, Т. Малева, В. Космарский и др.) в разработке проекта Президентской программы по борьбе с бедностью. Но результаты всей этой борьбы лишней раз подтвердили вполне очевидную истину, отставившуюся именно либералами. Можно сколь угодно долго распределять и перераспределять ресурсы государственного бюджета, однако предпосылкой преодоления бедности может стать только экономический подъем. Количественная иллюстрация из российской практики представлена в табл. 2.

Финансово-экономический кризис 1998 г. действительно резко уменьшил возможности заработка в экономике, негативно отразился на возможностях социальной поддержки населения. Рост ресурсов, которые направлялись на социальную поддержку россиян, стал возможным только в посткризисный период по мере увеличения ВВП страны. При этом имеет смысл обратить внимание на то, что общий объем социальных выплат увеличился в существенно меньшей степени, чем ВВП страны и реально начисленная заработная плата. Элементарные расчеты показывают, например, что в расчете на 1 руб. прироста заработной платы в 1996—2002 гг. прирост социальных выплат составил менее 25 коп.

Полагаю, что эта ситуация заставила Правительство ускорить проведение пенсионной реформы, суть которой с финансовой точки зрения состояла в том, что, во-первых, финансовая ответственность государственного бюджета была ограничена выплатой только базовой части пенсии и, во-вторых, у работников созданы стимулы к страхованию трудовых пенсий.

Следующим шагом стали попытки изменить форму предоставления социальных льгот, гарантировав бюджетные выплаты различных размеров существующим категориям льготников. Схема «продавливания» подобного решения носила весьма циничный характер.

Дело в том, что на первых этапах суть предлагавшихся изменений отражал проект специального «социального» федерального закона «О реализации мер социальной поддержки, предусмотренных законодательством Российской Федерации для отдельных категорий граждан». Пилотные обсуждения отдельных положений этого законопроекта, неоднозначная реакция общества в связи с возможными изменениями в системе социальной поддержки заставили включить соответствующие положения в проект федерального закона, название которого позволяет заметить социальное содержание многих его положений лишь при тщательном изучении.

Таблица 2 Доходы работников и социальных иждивенцев на экономическом фоне Российской Федерации

Показатели	в % к 1995		
	1998	2000	2002
1	2	3	4
Валовой внутренний продукт*	92,8	108,6	118,9
Фактическое конечное потребление домашних хозяйств*	97,3	100,5	117,8
Реальная начисленная заработная плата	96,8	91,4	127,2
Реальный размер назначенных пенсий	98,4	76,8	107,8
Общий объем социальных выплат**	91,8	79,4	106,7

*Данные приведены в сопоставимых ценах. Расчет осуществлен на основе официальных данных сборников бывшего Госкомстата России [Социальное положение и уровень жизни населения России 2001, 2003].

**С корректировкой на индекс потребительских цен. Включает пенсии, стипендии, страховые возмещения и прочие выплаты.

Так появился проект федерального закона (пусть читатель простит автора за полностью приводимое название, но он действительно назывался именно так) «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов "О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»». Именно в этот законопроект и были включены (причем в разбросанном по его тексту виде) размеры денежных компенсаций взамен утраченных льгот.

Конечно, никто не отрицает, что само предложение о возможности замены мер социальной поддержки отдельных категорий населения денежными выплатами правомерно и заслуживает подробного анализа. В законопроекте были заложены ежемесячные денежные выплаты в размере от 500 руб. до 3500 руб. Их предполагалось предоставлять на федеральном уровне 14 категориям населения; в отношении еще двух категорий, а именно «ветеранов труда» и «граждан, необоснованно репрессированных по политическим мотивам и впоследствии реабилитированных», меры социальной поддержки должны были устанавливаться субъектами Российской Федерации.

В существующих формулировках принципиальная ошибка законопроекта состояла в том, что он, каким бы парадоксальным ни показалось это утверждение, неудовлетворителен не только для части населения, но и для государственного бюджета. Причина этого — единый размер денежной выплаты различным представителям, входящим в состав одной и той же категории нынешних получателей социальных льгот. Например, инвалиды III группы должны были получать ежемесячную доплату в размере 1400 руб., инвалиды войны — 2000 руб., Герои Советского Союза, Герои Российской Федерации, граждане, награжденные орденом Славы трех степеней, Герои Социалистического Труда — 3500 руб.

Несвоевременные мысли о России

Таким образом, сохраняется категорийный принцип выплат. В то же время реальная потребность (по факту потребления той или иной современной льготы) для граждан, относящихся к одной и той же категории, может сильно отличаться. Следовательно, в рамках принятого подхода возможны, с одной стороны, реальное недофинансирование потребностей населения в мерах социальной поддержки, а с другой стороны — перерасход средств государственного (в том числе федерального) бюджета в тех случаях, когда средства «льготниками» реально не выбираются.

На наш взгляд, кардинальное решение подобной проблемы заключается в организации «учета и контроля» фактического потребления гражданами мер социальной поддержки. Для этого должна быть проведена соответствующая институциональная подготовка — возможно, введение так называемых «социальных карт» с принятием их всеми структурами, которые оказывают регламентированные законодательством меры социальной поддержки.

Определенный цинизм документа проявился также и в отдельных его деталях. Казалось бы, частный пример, но он затрагивает принципиальные вопросы. Речь идет о гражданах, которые были необоснованно репрессированы по политическим мотивам и впоследствии реабилитированы. Ответственность за такие репрессии должно нести государство, а не его субъекты, которые самостоятельно без директивы центра (слово «федеральный» в тот период не использовалось) не могли их проводить. По тексту же законопроекта получалось, что ответственность за установление мер социальной поддержки была возложена на регионы субфедерального уровня.

Возможно, также имело бы смысл перевести установление мер социальной поддержки части ветеранов труда на федеральный уровень — например, работавших в оборонном комплексе прежнего СССР, старше определенной возрастной границы и т. п. Впрочем, подобные критерии нуждаются в дополнительной проработке.

Народ и власть: единство или размежевание?

Итак, что же происходит со страной в начале XXI в.? Какие из предлагаемых ныне решений прорвутся в будущее, а какие отомрут, оставшись в прошлом? Согласитесь, ведь никто не предлагает современному обществу руководствоваться моралью, например, дохристианской Иудеи или екатерининской Руси. Однако складывается такое впечатление, что время застыло — нас настигают голоса из прошлого, призывая искать национальную идею, строить сильную страну, ну и так далее. Все эти предложения, конечно, имеют право на существование (в разной мере, конечно), но, представляется, что общий посыл здесь неверен.

Рассмотрим, например, вопрос о «национальной идее», в представлении автора статьи являющийся одной из химер современного российского общества.

Сытый голодного не разумеет — пока в России будут существовать многомиллионные группы лиц с недостаточными для нормального потребления доходами, Национальная идея будет сводиться к добыванию средств на пропитание. Увы, прав пошлый профессор Выбегалло Стругацких: «Остальные потребности разовьются в соответствии». И не правы те же российские коммунисты,

национальная идея которых по сути сводится к той модели всеобщего псевдоравенства, которая существовала в Советском Союзе.

Национальная идея — дело немногих избранных. Большинство россиян относятся к мещанам (ничего ругательного в этом слове не вижу), которым глубоко все равно, какой будет национальная идея, только бы в закромах у одних (бедных) было бы хлеба побольше, а у других (богатых) — алмазов. Между ними разместился средний класс со своими идейными требованиями к стабильности. Вспомним горьковского «дачника» инженера Сулова, говорившего о том, что он, кухаркин сын, наголодался в молодости и теперь, добившись высокого социального статуса, хочет вкусно поесть. Понятно, что разрушающие идеи незамужней «дачной» же революционерки Марьи Львовны ему были глубоко противны. Так и нормальные люди, пережившие 1991 г. и последующее, взирают «на демократов, коммунистов, копошащихся внизу» [Шаов 2002]. Никаких эмоций их потуги выработать национальную идею не вызывают. Хотя кому-то более симпатичны вменяемые правые, а кому-то — маловменяемые левые.

Если серьезно, то национальная идея как феномен — пережиток прошлого. В теории ноосферы В.И. Вернадского места ей не найдется. Экуменические идеи, связанные с необходимостью отвечать на глобальные вызовы человечеству, идут ей на смену, и давайте не будем расходовать ресурсы нашего общества на эту химеру.

Национальная идея, если уж трудно так сразу отказаться от этого термина, может быть только в одном: в России, как, впрочем, и в любом другом государстве, нужно защищать слабых и прививать нравственность сильным. Давайте будем смелыми и порядочными, давайте будем честными перед самими собой и соответствовать нравственным нормам, которые мы исповедуем, но следование которым не наносит вреда ближнему. Наверное, только при этих условиях мы сможем нормально жить в нашей стране и успешно решать неизбежные экономические и социальные проблемы.

А романтикам можно оставить романтиково. Или национально-идейное.

Или возьмем гражданское общество — весьма затратный проект государства. Как писал Н. Гоголь, «скучно жить на этом свете, господа!». Скучно потому, что общество никак не научится своевременно отказываться от процедур, возможно и эффективных в прошлом, но абсолютно не действенных в изменившихся условиях. К таковым, безусловно, относятся выборы — вроде бы элемент гражданского общества. Механизм как бы демократических выборов, созданный коммунистами СССР, в свое время и похоронил их, что было актуально и своевременно на рубеже 1980—1990-х годов.

Сейчас в России не существует реальных альтернатив той модели управления, которая сложилась в последние годы. Общество достаточно стабильно, и всерьез думать, что кто-нибудь сможет изменить социально-экономическую систему — удел недалеких людей или депутатов различных уровней, отрабатывающих свою зарплату перед избирателями. И в ту же Государственную Думу будут избраны вполне конкретные люди, за которыми стоят вполне конкретные суммы: личные или партийные.

Важно, что избранным депутатам есть, что терять. А это значит, что в российском обществе власть стала социально ответственной. Можно надрывать свои глотки в органах законодательной власти, требуя, например, раздела рентных

Несвоевременные мысли о России

платежей, или рассказывая народу о его обнищании. Но при этом следует иметь в виду главную цель — сохранение себя как депутата и на следующий, и на последующий срок.

Вообще-то давно уже пора перейти к абсолютно узаконенной продаже мест в органах законодательной власти — например, на основе аукционной модели. Тогда, наверное, мы сможем перейти к безубыточной системе финансирования выборов в органы законодательной власти. Цинично? Да, но, наверное, разумно: парламентарии, которым есть, что терять, смогут сделать все от них зависящее для сохранения стабильности в обществе.

Проблема состоит совершенно в ином. Определяется ее содержание следующими основными обстоятельствами.

Во-первых, население в основном приспособилось к изменившимся условиям. О народном взрыве, подобном взрыву (да и то лишь московскому) 1993 г., ныне мечтать могут лишь круглые неспециалисты. Другое дело, что приспособление это произошло на разных уровнях потребления. Впрочем, покажите нам общество, которое в истории человеческой цивилизации достигало равенства? Другое дело, что доходные ограничения создают стимулы для человека в отличие от ограничений административных, которые были присущи советскому обществу.

Во-вторых, власть получила возможность не столько гасить социальные пожары, но и заниматься планомерной реформой социальной сферы, часть эффектов которой проявятся не ранее чем в среднесрочной перспективе.

В-третьих, население научилось не доверять власти и дистанцироваться от нее, тем более что власть достаточно дурно выполняет оплаченные налогоплательщиками функции. Идеи гражданского общества, конечно же, не стоят и выеденного яйца — вместо этого должно быть прописано четкое выполнение фигурантами социума возложенных на них формальных обязанностей при возможности реализации своей собственной экономической выгоды.

Наконец, в-четвертых, население научилось смеяться — не только над властью, но и над собой.

Все это — предпосылки будущего процветания России. Рискну предположить, что это будущее станет безоблачным тогда и только тогда, когда российское общество встанет под знамена, на которых будет написано: «цинизм, функции, закон» (ЦФЗ).

Цинизм нужен для того, чтобы ни одна идеология (ни государственническая, ни другая иная), ни одно политическое движение (ни демократы, ни коммунисты) не овладели душами людей. Человек самодостаточен, а вся остальная суэта вокруг него — лишь неизбежный информационный шум.

Функции или функциональность нужны для того, чтобы каждая из структур общества четко выполняла возложенные на нее обязанности, не нанося вреда другим структурам, а, напротив, способствуя их развитию. Определенные функции, естественно, возлагаются и на домохозяйства. Но эти функции, по большому счету сводятся к двум. Состоят они в том, что домохозяйства — это, с одной стороны, налогоплательщики, а с другой стороны — объекты государственной социальной поддержки, потребители финансируемых из государственного бюджета социальных услуг.

Ну, а закон нужен для того, чтобы установить регламенты спроса за нарушения в исполнении функций различными структурами общества — физическими и юридическими лицами.

Что будет дальше. Вместо заключения

Статья в основном была написана автором до очередного Послания президента Российской Федерации, представленного 26 мая 2004 г. Оно неожиданно подтвердило то, что автор статьи стоит на правильном пути. Основная часть документа выдержана в конструктивном духе и посвящена вполне конкретным и действительно актуальным проблемам, решаемым в стране — росту благосостояния граждан, обеспечению их доступным жильем, реформе образования и т. п. Но самое главное, что в Послании сделан упор на необходимости создания условий для нормальной жизни каждого человека, создания общества действительно свободных людей. Очень хочется верить в то, что это — не случайность, что власть начинает осознавать пагубность национальных идей, навязываемых сверху. Подчеркну еще раз, что только независимый от власти гражданин будет ее поддерживать. Потому что она, собственно, и обеспечила ему эту независимость.

Литература

За рулем. Май 2003 г. № 5(863).

Известия. 12 января 2004 г. № 2 (26559).

Ильинский М. Нарком Ягода. М.: «Вече», 2002.

Смирнов С. Не страшно // Эксперт. 8—14 декабря 2003. № 46 (399).

Шаов Т. Итоги пятилетки. CD. М: Музпром-МО, 2002.